

Н. И. Воронова

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Работа представлена кафедрой теории и истории культуры.

Научный руководитель - доктор искусствоведения, профессор Л. М. Мосолова

Вторая половина XX в. ознаменовалась серьезными политическими потрясениями и изменениями, а также обострением проблемы этнонационализма. На этой основе актуализируется современное мифотворчество. Неслучайно в последние годы анализ национальных и этнополитических мифов все чаще привлекает внимание специалистов самого разного профиля¹.

При этом речь идет не просто о возрождении архаических верований, а о решении с помощью этнонационального мифотворчества современных задач: идейной консолидации этносов, обретения своей культурно-исторической идентичности и социально-политической независимости, а осуществление этих задач происходит по большому счету через манипулирование общественным сознанием.

Мифологическое видится и как неприменимый атрибут сознания индивида, и как «генетическая память» культуры этносов, влияющая на их социокультурные установки. Кроме того, миф бытует не только как отдельная форма сознания, но и (за пределами своей собственной экзистенции) как сакральная составляющая религии, морали, т. е. как программная информация всей данной этнокультурной традиции.

Существуют общекультурные причины, обуславливающие процесс ремифологизации этнического сознания, а также частные причины его доминирования в особых культурно-исторических и социальных условиях. В процессах глобализации, унификации культуры, современное мифотворчество связано с проблемой актуализации национальной и этнической самоидентификации. Посредством этнонационального мифотворчества реконструируются и ук-

репляются границы национальной идентичности.

Одним из способов уйти от унификации, обезличивания этносов в современную эпоху явилась актуализация исторической памяти народов, что повлекло за собой формирование многочисленных этноисторических мифов. Создаются этноцентристские версии прошлого, при этом утрачивается значение подлинности исторических феноменов. В такой мифологизированной истории критерием отбора и интерпретации фактов являются интересы определенной группы. Этноцентристские мифы играют весьма неоднозначную роль в современном мире. С одной стороны, они укрепляют этническое самосознание, но, с другой, нередко заставляют народы враждовать, бессмысленно отстаивая свое превосходство, историческое первенство и культурную исключительность. Различные этноцентристские мифы стремятся расколоть полиэтническое общество, если оно не выработывает никакого объединительного мифа.

Формирование новых мифов в современной России зачастую вытесняет объективный анализ реально протекающих в культурно-историческом времени процессов. Необходимым представляется соблюдение объективности научно-методологического подхода в изучении этих процессов. Пока же в силу целого ряда причин квазинаучные по определению изыскания многих современных исследователей в области национальной истории и культуры по своим содержательным конструкциям и по характеру идеологического дискурса, вкладываемого в них, подпадают под определение мифотворчества. Или, как определял этот жанр «историко-культурного творчества»

и «историко- и социально-политического конструирования» известный историк И. М. Дьяконов, «третичной» мифологии². Дьяконов отличал данный жанр «исторического промысла» от «первой», или архаической, мифологии, которой традиционно занимаются специалисты в области фольклора. По этому определению мифы могут создавать и сами ученые, что неизбежно приводит к распространению псевдонаучных теорий. Следует также отметить, что непосредственные создатели этой «третичной мифологии», а тем более рядовые пользователи зачастую сами искренне верят в ее истинность.

Включение этого компонента в сознание того или иного этноса зависит от принятия индивидами мифологических по своей природе посылок и оснований. Этнонациональный миф выступает общезначимой консолидирующей идеей этноса или нации. Вместе с тем этнонациональное мифотворчество имеет как созидательные так и разрушительные тенденции. Этнонациональные мифы, стимулирующие национальные идеологии и соответствующее политические движения, с одной стороны, могут способствовать разрешению межнациональных конфликтов и усиливать культурную однородность и интеграцию общества. С другой стороны, провоцируя очаги сепаратизма и этнического гегемонизма, этнонациональное мифотворчество может подрывать целостность и стабильность общества. Так, в случае с русским этносом, национальная мифология часто используется как инструмент для политической «мобилизации». В данном случае приверженность этнонациональнм мифологемам отнюдь не способствует формированию нормальной идентичности, а ведет скорее к идентичности этноцентричной или даже фанатичной.

В морфологии «сквозных сюжетов» современных этнонациональных мифологических построений прослеживается их общий смысл: они направлены на идеализацию определенного («своего») этноса, нации. Таким образом, мифологизированная

этнонационалистическая модель прошлого всегда содержит элемент посягательства на чужое прошлое, чужих предков, чужие культурные достижения. При этом каждая этническая группа интерпретирует прошлое, исходя из своих вполне конкретных этнополитических целей. Сознательная поэтизация и мифологизация этноса и его дифференциация от других чревата формированием «образа врага», что ведет к росту агрессивности в массовом сознании. В современном мире создание «образа врага» зачастую превращается в создание «абсолютного врага», который практически безличен, абстрактен («международный еврейско-масонский заговор», «мировой империализм», «империя зла», «ось зла» и т. д.). Во многих отношениях «образ врага» строится как антипод собственным ценностям и идеалам. «Образ врага» резко ограничивает возможности рационального и контролируемого поведения, препятствует осознанию общих интересов.

В различных регионах Евразии и непосредственно на территории современной России у ряда идеологов наблюдается стремление сконструировать единую национальную религию. С этой целью реконструируются древнейшие местные культуры, верования, но в силу немногочисленных и недостоверных сведений о них имеет место мифотворчество. Поскольку же речь идет о создании национальных религий, то в качестве их оснований оказывается современный этнонациональный миф, на котором и строится та или иная неорелигия.

Новые этноцентристские версии нередко выдвигаются под флагом борьбы с европоцентризмом³. Тем самым складывается почва для идеологии межэтнической конфронтации.

Следует учитывать, что формируемые такими мифами установки обусловливают и определяют развитие, способ и особенности восприятия и познания индивида, а также цели, которые ставит человек, и специфику его деятельности. Актуализация архетипических моделей сознания может по-

рождать определенный тип действий людей. Так, используемый, в частности, в политической культуре миф - миф границы, представляющий собой специфическую модель сознания и поведения, которая противополагает рациональной идеи однородного и универсального политического мира дихотомическую систему межличностных ориентации: «родная земля - чужая земля», «наши - не наши», «царство благочестия - царство зла», «справедливый политический порядок - несправедливый политический порядок» - может проявляться не только в вербализованных и рационализированных формах политических лозунгов, языковых клише, но и в реакциях, действиях, симптиях и антипатиях людей.

Этнонациональный миф имеет и важную компенсаторную функцию. Он нужен людям в критические моменты их истории: «когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда этнические меньшинства борются против дискриминации и ее последствий, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на развалинах империи возникают новые государства, когда имперский в прошлом народ испытывает дискомфорт, теряя прежний статус, когда два соседних народа предъявляют права на одну и ту же территорию, которую оба они издавна занимали, когда пришельцы разного этнического происхождения сплачиваются в новую этническую группу, наконец, Когда единый в прошлом народ оказывается разорванным⁴ на части и образует новую диаспору».

Мифологическое понимание действительности осуществляется также и в осмыслении окружающего пространства. Культурное освоение жизненного пространства проявляется в его сакрализации в соответствии с прежней «прародиной» этносов, что находит выражение в их этногенетических мифах. Так, например, идет активная борьба за статус «арийцев», который кажется привлекательным многим этнонационалистам от русских и украинских до осетинских и таджикских⁵.

В контексте изменяющейся этнополитической ситуации в России особую значимость обретают проблемы русского народа, являющегося самой многочисленной нацией и составляющей 81,5 процента всего населения страны.

Новая русская национальная мифология строится, прежде всего, как консервативная мифология, в которой доминирует идея «восстановления». Для русского национального сознания характерно, по словам А. Кольева⁶, «чувство национального унижения», возникшее вследствие потери Россией значительной части территории Российской империи и Советского Союза. Современные русские мифотворцы говорят о «деятельной экспансии», «политике империализма», «реваншизме» и необходимости «российской победы». Иными словами, этнополитический миф играет инструментальную роль - он может обслуживать совершенно конкретную современную задачу, будь то территориальные претензии, требования политической автономии или стремление противодействовать культурной нивелировке и сохранить свое культурное наследие.

Интересен концепт «общерусской культуры», т. е. проблемы взаимоотношения между русской культурой как культурой конкретного этноса и общегосударственной объединяющей идеологией как выразительницей мировоззрения всех народов России. Как всякая мифологема, термин «общерусское» наделяется неопределенным, «плавающим» значением, т. е. в различных контекстах ему придается смысл то великокорусского (выражающего результат культурного творчества русского народа и русского «национального характера»), то универсального (в котором воплотился гений всех «евразийских» народов). Технология такой подмены следующая: сначала универсальное (общерусское) отождествляется с государственным имперским принципом, объемлющим местные народности и культуры, затем с национальным русским, которое оказывается особым этническим

субстратом-носителем этого универсализма и обладает правом привилегированного представительства от имени этого имперского «общерусского» и эксклюзивным правом на эту всеобщую государственную и культурную собственность. Данная подмена опирается на скрытую фундаментальную мифологему, которая здесь подразумевается. Речь идет о русском мессианизме, его «богоносной» функции в мировой истории, в созидании «Нового Иерусалима», «Святой Руси», материальным эквивалентом которых выступает империя (бесконечные исторические вариации на тему «Москва - третий Рим»).

Современный миф о русском народе чрезвычайно сложен и иерархичен, в нем присутствуют мифологемы различных уровней - от бытового (возникающие ассоциации с «морозом», «водкой», «гостеприимством», «ленью» и т. п.) и психологического («терпение», «эмоциональная возбудимость», «коллективизм») до политического («потребность в жестком управлении», «пассивность народа», «мафия» и т.п.). Самым высоким уровнем мифотворчества является философско-исторический миф о России - то, что в литературе как раз и получило название «русской идеи». Думается, сегодня развитие «русской идеи» тоже может быть двояким: она может быть положительным фактором, стимулирующим цивилизационно-историческое самоопределение России, а может стать отрицательным явлением, если на национальную самобытность станут смотреть как на что-то самодовлеющее. В последнем случае это течение, для которых образ будущей России видится как этноцентричное образование, как «государство русских». Именно в этом течении наиболее развит агрессивный национализм.

В отличие от многих стран Западной Европы Россия никогда до сих пор не руководствовалась идеей создания национального (в этническом смысле) государства, никогда не ставила знака равенства между национальностью и государством.

Сегодня же в ряде националистических движений и субкультурных образований, например, в славянском неоязычестве, имеет место мифологизация национально-государственного самосознания русских, направленного на создание национального государства во главе с русским народом.

Особенно явно процесс мифологизации сферы политики в России просматривается в региональном культурном пространстве. В результате региональной фрагментации в России оказались затруднены коммуникационные процессы общенационального и межрегионального масштаба. Нехватку информации помогали преодолевать мифологические конструкции, для которых точность деталей менее важна, чем правдоподобие и соответствие уже сформированным стереотипам массового сознания. Прежде всего осуществлялась мифологизация, связанная с сакрализацией, т. е. выводом за рамки повседневности каких-либо сфер деятельности, персон и т. д., в том числе и власти. Формирование региональной мифологии как социокультурная и политическая технология имеет свои особенности.

Потребность в новой постсоветской политической мифологии в регионах уже в начале 1990-х гг. была обусловлена кризисом идентичности. Его базовыми причинами были распад СССР и его официальной идеологии, и последовавшее за этим спонтанное и неподготовленное формирование локальных сообществ и локальных идентичностей в регионах Российской Федерации. С этого времени начинается активное формирование региональных мифологий в большинстве регионов России⁷.

Формирование этнонациональных мифологий происходило (и продолжает происходить) как спонтанно, так и целенаправленно. Источником стихийной мифологизации могут быть стремление населения обосновать и обозначить свое место среди других, так и потребность защитить свое особое положение «лучших» - самых богатых, самых сплоченных, самых древних и т. д. Другой путь - это целенаправленное

создание системы мифологем, а фактически - национальной идеологии. На этот путь встают институционализированные субъекты, обладающие собственными интересами в сферах межнационального взаимодействия. Эти интересы связаны с сохранением или повышением статусных позиций в политико-управленческом, экономическом либо общим социокультурном контекстах. Носителями соответствующих интересов являются национальные элиты - политические, экономические и интеллектуальные.

Новая национальная мифология выполняет ряд базовых функций, способствующих накоплению символического капитала. То же происходит и на региональном уровне. Распространено создание мифологемы постоянной заботы и попечительства главы региона о населении в целом либо отдельных его группах, обладающих массовостью и электоральным потенциалом. Создается образ социального порядка как единственно возможного, а олицетворяющей его персоны - как «отца-заступника» населения региона (вариант - «простых людей»). В некоторых случаях региональный лидер может приобретать вполне «мифологические» (в классическом смысле) характеристики - например, «культурного героя». Одна из важнейших функций современного регионального мифотворчества - это позиционирование региона в ряду других и в ряде случаев демонстрация его функциональной уникальности. Роль этой функции уже возрастает и будет возрастать в связи с начавшимся процессом «укрупнения» регионов и реформированием системы власти в регионах. Способы мифологизации в данных случаях могут основываться на постоянном акцентировании региональной специфики, а также на ее гиперболизации. Если, например, специфичным является приграничное положение, гиперболизироваться может опасность извне. Внешнюю угрозу могут представлять как другие регионы в силу своей нестабильности или просто «инаковости», так и другие государства. Часто позиционируются и пре-

увеличиваются те или иные культурно-исторические события, имевшие место в регионе. Когда явные объективные показатели уникальности региона отсутствуют либо выражены достаточно слабо создание региональной мифологии приобретает более явно выраженные технологические черты. Мифологемы начинают конструироваться, исходя из малоизвестных исторических фактов-«зацепок», которым приписываются системообразующие функции.

Одним из приемов формирования региональной мифологии в России 1990-х гг. стало подчеркивание богоизбранности регионального сообщества. Таким образом заполнялся вакуум самоидентификации.

Так, наряду с современными мифами, «обосновывающими» культурную самобытность, политическую независимость, существует миф о «собирании России», связанный с региональной политикой современной России по укрупнению регионов. По этому мифу любое объединение одного субъекта Федерации с другим - это благо для населения, это путь к прогрессу. При этом практически не учитываются интересы населения, проживающего на данной территории. В этнонациональных мифах «русских» в целом проявляется антizападничество (и наиболее частое его проявление сегодня - антиамериканизм), антисемитизм, «кавказофобия» и т. д.

Вместе с тем возникают и современные этнонациональные контр-мифы о деградации этноса, нации, народа. Некоторые исследователи пытаются увидеть в современном положении России проявление дурного русского характера. Возникает контр-мифология о народе, который является источником собственных бед. Народ объявляется беспробудным пьяницей, варваром, которому недоступны ценности цивилизации, дух предпринимательства, трудолюбие. Об этом много пишут, например, философы А. Ахиезер⁸ и Н. Исмуков⁹. Контр-миф, совершающий переоценку русской истории и культуры, можно полагать, преследует определенную политическую

цель - разрушение русской национальной ментальности и государственности, утверждая о том, что Россия не является ни великой, ни державной страной, а ее народ - всего лишь этнос, не осознавший своих политических и национальных интересов.

Таким образом, можно вести речь о том или ином целенаправленном идеологическом воздействии на нацию со стороны идеологов, которые и разрабатывают мифологизированную модель прошлого и желаемого будущего. Сознательная поэтизация и мифологизация этноса и его дифференциация от других чревата формированием «образа врага», что ведет к росту агрессивности в массовом сознании. В большей степени это свойственно для «национальных окраин», этнических меньшинств на территории РФ, но усиление общенационального элемента прослеживается и в идеологическом обосновании государственной политики на федеральном уровне. Это мифологизирование обнаруживается в разном понятийно-терминологическом оформлении - как «российская национальная идея», как «национальная идеология России», как «русская идея» и др.

Итак, национальные и этнические проблемы являются одними из наиболее острых и болезненных в современном мире. Это обострение (получившее в литературе название «этнического парадокса») стало своеобразной реакцией на тенденции нарастающей унификации духовной, материальной и художественной культуры в условиях глобализации. В конце XX в. человечество столкнулось с проблемой актуализации различий - не только национальных, но и культурных, расовых, религиозных. Несмотря на мощные интегративные тенденции, универсализм не вытесняет партикуляризма, а лишь дополняет его. Вместе с тем тенденции глобализации отнюдь не означают кризиса национальной государственности, они не отменяют этнического национализма и культурного «почвенничества» в самых разных видах.

Таким образом, современная этнополитическая реальность с ее новыми мифами, символами и предрассудками предоставляет исследователю совершенно новые источники для изучения национальной и этнической культуры, ее трансформаций и перспектив.

Пока же этнонациональные мифы являются значительной составляющей национальных идеологий, доминирующих в современной политической и культурной жизни России. В данном случае формируются мифы, «обосновывающие» требования тех или иных политических сил о защите культурной самобытности национальной диаспоры (вплоть до образования самостоятельной государственности); либо расширения geopolитического пространства для жизни нации или, напротив, для защиты собственной территории и национального суверенитета от внешних посягательств; либо создания привилегий для лиц «коренной национальности». Основные этнонациональные проблемы в современной России связаны и с тем, что нарастают чувства абсурдности бытия, разочарования, неосуществления значимых для человека, целых этносов и наций целей, напряжения и тревоги перед будущим, а для многих и безысходности. Все это ведет к развитию иррационализма, мистицизма, мифологическим построениям.

Для большинства людей в неустойчивой ситуации переходного общества этническая принадлежность становится наиболее приемлемым способом вновь ощутить себя частью некоего целого, найти психологическую поддержку в традиции. Отсюда повышенное внимание к этнической идентификации, потребность консолидации этнической общности, попытки выработки интегрирующего национального идеала в новых социальных условиях, «охранение» и обособление своей национальной культуры, истории. Вместе с тем значимым способом этнической идентификации является выработка и усвоение мифов. Именно миф может быть рассмотрен как основная форма упорядочивания сложной культурной реальности.

Если учесть, что спецификой мифологического мышления является неразличение реального и идеального, то становится очевидным, почему мифологическое восприятие своей этнической общности является ведущим в переходные социальные эпохи: в мифологии оппозиция «должного» и «сущего» стирается, общность абсолютизируется, что является эффективным психологическим стабилизатором сознания. Идентификация происходит в сравнении, в отталкивании от «соседей», в выработке общих стереотипов восприятия, причем именно миф становится основой для интерпретации происходящих социальных событий - будь это миф об общей «крови и почве» или миф о «загадочной русской душе». Г. Д. Гачев использует очень удачное выражение, называя¹⁰ национальный миф «энтилехией нации». Наибольшим интегрирующим воздействием обладает национальный (этнический) идеал, который по своей природе тоже всегда мифологичен.

На уровне массового сознания рациональное обоснование идеи утрачивает свою актуальность, важнее включенность идеи в миф. Для человека, видящего в этнической общности свою «большую семью», мифы нации играют роль светской религии. Опора на миф увеличивает коммуникативность сложного идеологического «текста», способствует его адаптации. Можно согласиться с утверждением В. Полосина, что «основным методом национальной идентификации является обращение общественного сознания на национальный миф»¹¹. «...Нация не может просто "возникнуть", она должна быть "произведена" посредством разработанной мифологии и идеологии. В этом смысле, этничность - отчасти социальный конструкт, и в еще большей мере это относится к этническому национализму»¹².

Как правило, этническое мифотворчество не актуализировано в условиях стабильных этнических отношений или в моногрупповой среде. Оно более развито у недоминирующих общностей. Тем не менее

даже в центральной части России этнические компоненты сознания играют все большую роль в жизни русского населения.

Важно еще раз отметить, что этнические мифы возникают не только стихийно, но и формируется целенаправленно. Именно идеологи конструируют этноцентристские и этноисторические мифологемы на основе непроясненных проблем общей истории этноса, о которых рядовой член общности может иметь весьма смутное представление.

Этнонациональные мифы возникают как «снаружи», так и «изнутри». Внутренняя этнонациональная мифология, как правило, позитивно окрашена и может служить характерной иллюстрацией явления, которое Л. Гумилев назвал «внутриэтнической комплиментарностью» - симпатией к членам своей этнической общности. Тем не менее динамика этнонационального мифотворчества может дать достаточный материал для размышлений о характере развития современного самосознания многих этносов и наций.

Особой функцией в русской культуре обладает мифологема дома, которая более всего затрагивает проблему идентичности. Дом - это целостная картина мира, а архетип дома связан с образом космоса. Первая развернутая культурная проекция этого мира-мифа - «Домострой». В современных мифах мы тоже видим целый пласт проектов, к которым русское мировоззрение особенно чувствительно - горбачевский «общееевропейский дом», «Наш дом - Россия», «Русский дом» и др. Оборотной стороной мифологемы дома является феномен бездомности, неприкаянности духа и поиска «дома души» в странничестве.

Все эти мифологемы (независимо от их укорененности в реальности) являются своеобразной «психологической проекцией», вызванной к жизни резкими переменами в общественной жизни. Кризис государственности, разрушение привычных ниш бытия, развал СССР, изменение образа жизни - все это значительно увеличило число людей, выброшен-

ных из нормальной, обычной колеи жизни, ищущих ответа на вопросы о смысле своего существования. И все чаще звучит идея возрождения русской нации. Поэтому вполне рациональная и прагматическая установка идеологов на использование этнонациональных мифов для достижения тех или иных политических целей может разбудить

иррациональную и непредсказуемую стихию национализма, которая особенно опасна для доминирующей нации (как это обстоит в России с русскими). Таким образом, современное этнонациональное мифотворчество оказывается тесно связанным с самыми острыми социокультурными и мировоззренческими проблемами наших дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр: Политическая теория и политическая практика. С. 149-151; Осаченко Ю. С., Дмитриев Л. В. Введение в философию мифа. М., 1994; Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. М., 1996. С. 22-39; Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. М., 1996; Бордюгов Г. Создание национальных историй в постсоветских государствах // Независимая газета. 1998. 25 ноября.

² Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.

³ См., напр.: История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 4 т. Алма-Ата, 1996. Т. 1: Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. С. 8; Закиев М. З. Тюрки-татары этногенезы. Казань; М., 1998.

⁴ Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000. Электронная версия на сайте: <http://pubs.carnegie.ru/books/2000/10am/>.

⁵ Шнирельман В. А. Второе пришествие арийского мифа // Восток. 1998. № 1.

⁶ Кольев А. Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. Логос, 2003 С. 8. 384 с.

⁷ См.: Малякин И. Российская региональная мифология: три возраста // Pro et Contra. Т. 5. Зима 2000, С. 110-111.

⁸ Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. Т. 1. С. %1\Ахиезер А. С. Социокультурная патология в России и Европе // Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: Содержание. Границы. Возможности. М., 2000.

⁹ Исмуков Н. А. Национальное измерение культур (Философско-методологический аспект). М.: Прометей. 2001.283 с.

¹⁰ Гачев Г. Д. Миф. Национальный. Индивидуальный: Опыт экзистенциальной культурологии / Сб. Миф в культуре: человек - не-человек. М., 2000. С. 129.

¹¹ Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М., 1999. С. 83.

¹² Волкогонова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // <http://www.philosophy.ru/library/volk/ident.html>